

«Недостающее звено»: эмбриологическая интерпретация естественного состояния у Питера и Йохана Де ла Куров*

Павел Соколов

Старший научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А. В. Полетаева, доцент Школы философии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, Москва, Российская Федерация 101000

E-mail: alharizi@rambler.ru

Статья посвящена исследованию статуса и функций медицинского («эмбриологического») аргумента в трактате нидерландских политических писателей Питера и Йохана Де ла Куров «Рассуждения о государстве, или О политическом равновесии» (1660 г.). В начале второй книги трактата Де ла Куров, не довольствуясь объяснением причин естественного состояния у Томаса Гоббса, предлагают собственную интерпретацию этого явления: травмы (*indruksele*), получаемые зародышем в момент зачатия и в период беременности. В фокусе внимания автора статьи — именно эта необычная инверсия общих мест, связанных с обстоятельствами зачатия, а также оригинальное сопряжение политических и медицинских аргументов у знаменитых представителей нидерландского республиканизма. Предметом рассмотрения сделались контексты, объясняющие привлечение этого «аномального» аргумента для объяснения генезиса естественного состояния: труды медиков — сторонников картезианской и гарвеевской эмбриологии (А. Дезинг); популярные медицинские сочинения (Я. Катс, Й. ван Бевервейк); политические трактаты, содержащие медицинские аргументы (Р. Камберленд). Результатом исследования стал вывод об амбивалентности «политического республиканизма» у Де ла Куров: сохраняя по инерции в своем составе элементы этико-риторической парадигмы (парресия, идея «древней батавской свободы»), их политическая философия не может последовательно мыслить отношения между биологическим и социальным порядком, героическим этосом и «благодетельным насилием».

Ключевые слова: Питер Де ла Кур, Йохан Де ла Кур, политический республиканизм, естественное состояние, эмбриология, Томас Гоббс, Уильям Гарвей

Апория «естественного состояния» у Томаса Гоббса — интригующий парадокс «абсолютного другого социальности» — уже в ближайшие десятилетия после выхода в свет «Основ философии» и «Левиафана» породила бесчисленное множество интерпретаций: от наделавшей немало шума гипотезы Исаака Ла Пейрера, ото-

© Соколов П. В., 2017

© Центр фундаментальной социологии, 2017

DOI: 10.17323/1728-192X-2017-1-83-100

* Статья подготовлена по результатам исследования № 15-05-0042 «Историческая саморефлексия медицины: от *ars medica* раннего Нового времени к позитивистскому „онаучиванию“ в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета „Высшая школа экономики“ (НИУ ВШЭ)» в 2015 г. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

ждествлявшего «естественное состояние» с этапом в истории человечества, предшествующим сотворению Адама, до не менее провокативной идеи Джамбаттисты Вико о деградации послепотопного человечества до уровня звероподобных гигантов (*bestioni*). Некоторые из этих версий хорошо известны и многократно становились предметом интерпретации в исследовательской литературе, другие же рассматриваются как маргинальные и до сих пор остаются в тени. К числу последних принадлежит небольшой фрагмент из трактата нидерландского политического республиканца, одного из предтеч демографической науки, гуманистически образованного лейденского патриция Питера Де ла Кура (в голландской версии — Ван ден Хоове), написанного им в соавторстве с рано умершим братом Йоханом — «Рассуждения о государстве, или о политическом равновесии» (*Consideratien van Staat, ofte Polityke Weeg-schal*, 1-е изд., 1660 г.).

Трактат посвящен, как заявляют его авторы, «спекулятивному исследованию практической испорченности человеческой природы, а также лекарствам, которые могут быть использованы для ее излечения» (*De la Court*, 1662a: s.p.). Сочинение Де ла Куров располагается на границе нескольких жанров, занимая промежуточное положение между политическим трактатом, памфлетом, «анатомией» и сборником апофтегм. Эта двойственность проявляется уже в типографском оформлении книги: с одной стороны, предпочтение нидерландского языка латыни было характерно для политических памфлетов, с другой — выбор римского, а не готического шрифта (фрактуры) свидетельствовал о притязаниях авторов на академизм (*Weststeijn*, 2012: 92). При этом, однако, как в предисловии к этому трактату, так и во введении к другому своему сочинению, «Политике в шести книгах», Де ла Куры недвусмысленно декларируют свое пренебрежительное отношение к распространенной в североевропейских странах «академической» политике, «школярскому педантизму ученых»¹. Этот же синкретизм проявляется и в аргументации. В первой главе авторы рассматривают бедственное положение, в котором оказываются люди, живущие вне гражданского состояния и «подчиненные лишь закону собственного суждения», мешая стандартные гоббсианские аргументы с латинскими пословицами и афоризмами житейской мудрости: недостаточность средств, служащих для поддержания жизни («ведь мы не можем поддерживать и защищать собственное тело, жизнь и честь иначе, чем регулярно уничтожая те самые средства, благодаря которым мы их обретаем»); взаимное недоброжелательство, возникающее из стремления увеличить собственную славу за счет уничтожения других; естественное желание каждого человека «скорее погубить других, чем погибнуть самим» и т. п. Главным мотивом человеческих действий наши авторы провозглашают, опять же вслед за малмсберийским философом, самолюбие («любовь

1. Ср.: «Разве что кто-нибудь согласился бы считать за хорошие политические сочинения написанные на Латыни книги под громкими названиями — Политика, Политическая Система, Гражданское Учение, Политическое Благоразумие, о Государстве, Тайны Государств, Политические Афоризмы, Политические Аксиомы и другие подобные труды, написанные немецкими профессорами, докторами, проповедниками и школьными учителями» (*De la Court*, 1662b: s. p. [«Voor-reeden aan den Leser»]).

к себе есть подлинный источник всех человеческих действий, как благих, так и дурных») (De la Court, 1662a: 14). Закон самосохранения (которое Де ла Куры, в отличие от Гоббса, считали не «страстью», а правом) помещается превыше всех остальных Законов природы, прежде всего главного из них — «не делай другому того, чего не желаешь себе» — и является их абсолютным условием. После этого набора общих мест в начале второй главы и появляется тот самый «аномальный» аргумент, которому посвящено наше исследование. Прежде всего авторы заявляют, что для рассмотрения естественного состояния и следующих из него бедствий совершенно недостаточно исследовать человека в «зрелом возрасте». Чтобы заполнить лауну в логическом эксперименте Гоббса и «пролить немалый свет» на истоки бедственного положения человеческого рода, они предлагают обратиться к обстоятельствам зачатия и условиям протекания беременности:

Дело в том, что *coitum* производит в крови способной к деторождению женщины столь сильное смятение, а во внутренностях ее — столь значительные потрясения, <воздействие которых сохраняется на протяжении всего срока беременности>², что она начинает испытывать *печаль, страх, ужас и ярость*, а равно и другие *противоестественные страсти* (*vreemde lusten*). И вот, пока нежное тело плода подрастает в утробе матери — а надлежит заметить, что зародыш формируется не только из мужского семени в соответствии с той формой (*gesteltenisse*), которую оно сообщает женщине, ведь на образование *сердца, мозга и всех остальных частей нежного тела ребенка прежде всего влияют те аффекты* (*driften*), которые мать испытывает, и то, чем она питается, — тело это, из-за своей чрезвычайной мягкости, очень легко воспринимает столь глубокие следы этих воздействий, что они обыкновенно стираются только вместе со смертью³.

Разумеется, идею о влиянии испытываемых матерью аффектов на телесный состав и темперамент эмбриона нельзя считать оригинальной: достаточно вспомнить известное место из «Анатомии меланхолии» Роберта Бертона: «если женщина предаётся излишне печальным и тягостным размышлениям, гневу, своенравию, недовольству и меланхолии — не только в момент зачатия, но и в тот период, когда она носит ребенка во чреве своем (см.: Фернель. *О патологиях* 1.1, 11), — то сын ее испытает те же аффекты. Еще хуже, как добавляет Лемний, I.4. гл. 7, если она чрезмерно скорбит, унывает, чем-то напугана, увидела или услышала нечто ужасное, что вызвало у нее страх, — в этом случае она подвергает опасности свое дитя и

2. Прим. П. Де ла Кура к изданию 1662 г.

3. «Namentlik, het *byslaapen* veroorzaakt in het bloed der vrugtbare Vrouwen <gedurende den ganschen tyd van hare dragt> zoo groote onsteltenisse, en ongemakken in haare ingewanden, dat sy daar door meer *droefheid, vreeze, schrik, gramschap*, en andere *vreemde lusten* onderworpen zijn. Onderwylen groeit de teere Vrugt, een lighaam met zijn Moeder zijnde, zulks niet allen naar de *gesteltenisse* der manneliken zaads, der vrouwe meedegedeeld, het schepsel zijn begin neemt; maar dat zeer aanmerkens-waardig is, *het Herte, Herssenen, en alle andere deelen des lighaams van dit teere kind, weerden voorneementlik geformeerd naar't met de moederlike driften, en voedsel, geleegeen is*, sulks de zelve, in die groote teerheid, zeer ligtelik zoo diepe indruksele krygen, dat zy niet dan met de dood, pleegen verloren te werden» (De la Court, 1662a: 18–19).

искажает его темперамент. Ведь капризное воображение женщины оказывает непосредственное воздействие на ее ребенка и, как показывает Баттиста Порты („Небесная Физиология“, 1.5. гл. 2), оставляет на нем свой отпечаток (mark)» (Burton, 1989: 209)⁴. Можно привести примеры из более близких и почти наверняка хорошо знакомых Де ла Курам текстов. Вот типичный совет, который Якоб Катс — высокопоставленный (бывший даже одно время Великим пансионарием Голландии) моралист и популярный в то время поэт — дает женщине в своей дидактической поэме, посвященной браку:

Een vrou dit swanger is moet haer geduerigh wachten,
 Van nare dwepery, van alle droeve nachten,
 Van door een gramme sucht te werden omgevoert,
 Ia van een groote vreught te werden omgeroert:
 Want als het swanger wijf is besigh met de tochten,
 Soo kromt de swacke geest in veelderhande bochten:
 En wat ontrent de vrucht sijn kracht besteden moet,
 Vergeet sich in de gal en aen het vinnigh bloet.
 Ghy, maeckt u daerom sterck om uyt te mogen jagen
 Schrick, wrevel, gramme sucht, en alle quade plagen.

Жена, что носит плод, должна всегда стеречься
 Мечтаний глупых, грез, ночных тревог беречься.
 И гнева, коли он безудержно горит,
 И радости, когда чрез край она кипит.
 Ведь коль в сетях страстей сия жена мятется,
 То слабый дух ее в жестоких корчах бьется.
 И вот уж все, что сил исполнить может плод,
 Дурную кормит кровь, да черну желчь влечет.
 Итак, гони же прочь, не ведая сомненья,
 Печаль, тревогу, страх, пустые треволенья⁵.

Приведенная цитата из Катса была включена в «Сокровищницу здоровья» (Schat der gesontheit) Дордрехтского врача и популяризатора медицинской науки Яна ван Бевервейка (1594–1647) — медицинский бестселлер, которым начиная с 1630-х годов зачитывались жители нидерландских городов, по своим жанровым и стилистическим характеристикам чрезвычайно близкий «Рассуждениям о политиче-

4. «If she be over-dull, heavy, angry, peevish, discontented, and melancholy, not only at the time of conception, but even all the while she carries the child in her womb (saith Fernelius path. 1.1, 11) her son will be so likewise affected, and worse, as Lemnius adds, I. 4. c. 7, if she grieve overmuch, be disquieted, or by any causality be affrighted and terrified by some fearful object, heard or seen, she endangers her child, and spoils the temperament of it; for the strange imagination of a woman works effectually upon her infant, that as Baptista Porta proves, Physiog. Caelestis 1. 5. c. 2, she leaves a mark upon it» (Burton, 1989: 209).

5. Перевод наш.

ском равновесии» (Beverwijck, 1660): та же смесь научных аргументов, латинских апофтегм, нравоучительных стихотворений, приправленных иногда грубоватым юмором («Свое дерьмо не пахнет», философически замечают Де ла Куры, доказывая превосходство демократии над прочими формами правления), и практических рекомендаций (рецептов у Бевервейка, политических советов — у Де ла Куров). Во введении к «Рассуждениям» Де ла Куры различают политическую историю, оперирующую строго достоверными сведениями, и политические рассуждения, для которых достаточно, как и для басни, одного лишь правдоподобия. Собственное сочинение авторы относят ко второй категории. Основания для того, чтобы считать трактат Бевервейка одним из возможных источников для эмбриологической гипотезы Де ла Куров, не ограничиваются лишь сходством жанровой природы их сочинений; категории, в которых описывается состояние женщины в период беременности и испытываемые ею аффекты, разительно напоминают наш «апоретический» фрагмент (см. главу «О том, как следует вести себя беременной женщине» (Beverwijck, 1660: сар. III), а также раздел «о движениях духа»); правда, в своей «гендерной идеологии» наши авторы радикально расходятся друг с другом: если Де ла Куры, как мы увидим далее, считали женщину существом неполноценным по сравнению с мужчиной и неполноправным, то Бевервейк посвятил целое сочинение доказательству превосходства женского пола над мужским (Beverwijck, 1643). Впрочем, значительная часть этих понятий имеет гораздо более древнее происхождение: так, упомянутые Де ла Курами «противоестественные желания» соответствуют восходящей к патриархам античной медицины категории «неуместных потребностей» (у Порфирия — ἄτοποι ἐπιθυμίαι), которые, по общему мнению, следовало удовлетворять, чтобы предотвратить негативное воздействие страстей на плод. Оригинально в эмбриологической гипотезе Де ла Куров другое: превращение патологии в норму. В самом деле: во всех известных нам античных, средневековых и ранненовременных текстах, от Гиппократов до Роберта Бертона, влияние аффектов матери на плод описывается именно как патология, приводящая к возникновению уродства (παράσχημα у Порфирия⁶), но не как неизбежное обстоятельство зачатия любого человека вообще. Кроме того, неожиданной кажется роль, которую братья придают «патологическому аффицированию» эмбриона страстями, испытываемыми матерью, в построении своей политической теории: фактически испорченность человеческой природы и вытекающая из нее необходимость в общественном договоре оказываются детерминированы обстоятельствами зачатия.

Разумеется, связь политической философии и медицины или «биологии» в XVII столетии хорошо известна: такие сюжеты, как «политика аффектов», поиск «этического аналога шишковидной железы» (В. Кан), который бы позволил объяснить связь между телеологией человеческих действий и телесной конституцией людей, дискуссии о физиологическом субстрате социальности, хорошо изучены

---

6. Подборку соответствующих пассажей из античных авторов см. Афонасин, 2013: 2000.

в исследовательской литературе⁷. В самом общем смысле центральную проблему «политической физиологии» XVII века можно сформулировать следующим образом: как произвести обязательство (*obligatio*) из факта, т. е. физиологического описания человеческой ситуации? У Гоббса в шестой главе «Левиафана» невозможность естественной социальности связывается с «кинетикой страстей», создающей неустранимые различия в представлении о предметах стремлений, а также в их названиях, вследствие чего люди оказываются неспособны прийти к соглашению относительно значения базовых этических терминов (Добро, Зло, Справедливость и т. д.)⁸. В еще более явном виде стремление связать человеческую физиологию и социальность можно обнаружить у авторов, подобных Ричарду Камберленду, в этике которого центральное значение придается категории «благоволение» (*benevolentia*). Деструктивные, «асоциальные» аффекты, по Камберленду (он ссылается здесь на Уильяма Гарвея), затрудняют ток крови, воздействуя на «мельчайшие ответвления артерий, рассеянные по поверхности мозга»; таким образом, «само животное естество и природа аффектов учат людей тому, что им полезно с благоволением относиться к другим, насколько возможно — ко всем людям, ведь ненависть даже к одному человеку приносит ненавистнику столькие несчастья». Со ссылкой на того же Гарвея Камберленд приводит случай, когда мизантропические чувства привели к летальному исходу — пациент заболел «цинготной Кахексией», от которой «ярменные артерии его вспухли до размера большого пальца», а сердце, как выяснилось при вскрытии, набухло от крови до такой степени, словно «принадлежало не человеку, а быку». Еще одним доказательством связи между телесной конституцией и естественной социальностью человека является идея об

7. См. показательный фрагмент из одного сочинения Р. Камберленда: «Ненависть, зависть, страх и грусть препятствуют току крови, утяжеляют сердце, так что оно с большим трудом выбрасывает кровь при сжатии (*systole*); от этого лицо человека кажется бледным, и функции всего телесного состава (*corporis oesonomia*), особенно же мозга и нервов, терпят урон, проявляющийся, например, в виде болезней, которые обыкновенно приписываются селезенке или черной желчи» (здесь и далее наш перевод фрагментов из Камберленда выполнен по изд.: Cumberland, 1672: 111—115).

8. «Because the constitution of a mans Body, is in continuall mutation; it is impossible that all the same things should alwayes cause in him the same Appetites, and Aversions: much less can all men consent, in the Desire of almost any one and the same Object... these words of Good, Evill, and Contemptible, are ever used with relation to the person that useth them: There be nothing simply and absolutely so; nor any common Rule of Good and Evill, to be taken from the objects themselves; but from the Person of the man (where there is no Common-wealth) or, (in a Common-wealth) from the Person that representeth it» (Hobbes, 1996: 39). См. также характеристику этой кинетики страстей в связи с категорией «размышление» (*deliberation*) и риторикой Гоббса у Нэнси Стрьювер: «Понятие размышления у Гоббса — это не примитивная «физикалистская» категория. Физически детерминированное, необходимое движение стимулирует неопределенные колебания, открывая тем самым пространство для контингентности и доселе нереализованных возможностей. Риторика, действуя в самом сердце политики, исследует элементы изменений и трансформаций, она отдает предпочтение не *статике*, всеобщему согласию, консенсусу, а *кинетике*. В политике многообразие — это механизм, порождающий возможность» [But this is not a simplistic «physicalist» account. The physicalist, necessary motion evokes indeterminate vibration, open to contingencies, receptive of hitherto unrealized possibilities. Rhetoric, functioning inside politics, seeks out the elements of change, alteration and privileges not *stasis*, universal accord, consensus, but *kinesis*; in politics diversity is engine, generating possibility] (Struever, 2009: 79).

общем источнике органов питания и размножения: и те, и другие формируются в зародыше под действием одних и тех же причин⁹. Более того: «У животных те же причины, которые служат сохранению жизни индивида, вызывают и стремление (*conatus*) к сохранению всего вида: таким образом, эти два вида стремления связаны между собой узлами естества». Тем самым стремление к самосохранению и стремление к сохранению всего вида объединяются на почве «усилия» (*conatus, conato, endeavour*) — механизма, значение которого для политической теории Томаса Гоббса, Бенедикта Спинозы и Джамбаттисты Вико хорошо известно, одного из претендентов на роль той самой этической «шишковидной железы». Но это еще не все: именно в пересказе Гарвеевой медицины у Камберленда можно обнаружить один пассаж, который способен пролить свет на интерпретируемый нами фрагмент из Де ла Куров: «Вся система кровообращения и все, что ей содействует, например, мускульная сила Сердца и механизм венозных клапанов, равным образом служит для питания отдельного человека и исполняет общественно необходимую функцию, способствуя приумножению рода, ибо *доставляет материю, из которой образуется семя, в сперматические сосуды*» (Cumberland, 1672: 112; курсив наш).

Итак, материя семени попадает в сперматические сосуды через посредство системы кровообращения; однако гарвеевской медицине был известен и обратный процесс, когда, напротив, семя во время зачатия попадает в кровеносную систему женщины. Здесь уместно вспомнить, что Де ла Куры говорят о «потрясениях» (*omstelenisse*), испытываемых именно кровью, которые «патологически аффицируют» зародыш. Но как семя попадает в кровь? Как вообще соитие может отражаться на состоянии крови и заключенных в ней аффектов (*driften*)? Для того чтобы это понять, необходимо представить себе в общих чертах характер гарвеевской эмбриологии и пути ее рецепции, в частности в Нидерландах. В 1651 году выходит в свет главное сочинение Гарвея, посвященное эмбриологии, — «Опыты о происхождении животных» (*Exercitationes de generatione animalium*). В этом тексте Гарвей подробно описывает производившиеся им эксперименты по вскрытию матки оленьих самок, получившие известность среди его современников под именем «Гарвеевых парадоксов». Парадокс заключался в следующем: исследуя матку оплодотворенной оленьей самки спустя некоторое время после соития (через несколько дней или недель), Гарвей, как ему казалось, обнаружил, что она была пуста — т.е. семя после соития таинственным образом исчезало. Чтобы объяснить этот феномен, он предположил, что семя оказывает некое «духовное» или «интеллигентное» воздействие на кровь женщины, подобно «флюиду»; «заряженная» этим воздействием кровь через определенный промежуток времени начинает формировать в матке плод. Эта гипотеза подкреплялась, как утверждал позднее

---

9. «В высшей степени достоверно, что те же самые причины, которые способствуют формированию необходимых для питания членов тела в утробе и в матке, то есть желудка, сердце и т.д., формируют также и сперматические сосуды и половые признаки уже на первых стадиях жизни зародыша, как отмечал Гарвей в трактате «О порождении животных, Изыскание 69» (Cumberland, 1672: 112).

Каспар Бартолин, и рассказами самих женщин, которые ощущали некие изменения в крови непосредственно после коитуса (Goltz, 1986: 256). Немецкий медик Г.В. Ведель сравнивал воздействие мужского семени на кровь женщины со своего рода «духовным заражением» (*spirituosum sanguinis contagium*), а дордрехтский последователь Гарвея Антон Дезинг говорил о том, что кровь трансформируется под действием «силы» семени (*sanguis ipse vi hac seminea impregnatus atque alteratus*). Могли ли Де ла Куры испытать влияние Гарвеевой концепции «инфицирования» крови женщины мужским семенем? Со времен программной работы Коссмманна (Kossmann, 1960: 36–49) считается, что Де ла Куры находились под определяющим влиянием учения о страстях и эмбриологии Рене Декарта, сочинение которого «О страстях души» (*Passions de l'âme*) было издано в Амстердаме в 1649 году. Учение о возникновении животных, по мысли самого Декарта, должно было стать венцом его натурфилософии: формирование и развитие плода описываются у Картезия строго механически, в терминах материи и движения (*mechanica explicatio formationis foetus*). Однако даже такой преданный его последователь, как Николя Мальбранш, указывал на недостаточность механического объяснения для органических тел и процессов; в нашем «эмбриологическом фрагменте» аргументация также ничем не напоминает механическую модель Декарта. Не похожа она и на практически ориентированные, построенные на анатомической дескрипции и акушерском опыте тексты лейденских профессоров начала и середины XVII столетия, таких как Йохан ван Херн или Иов ван Меекерен (Heurnius, 1607). О степени медицинской образованности братьев и источниках их медицинских воззрений судить трудно. Известно, впрочем, что, когда в 1631 году Питер Де ла Кур поступил в Лейденский университет на низший факультет (в качестве *litterarum studiosus*), медицина была обязательной частью университетского куррикулума и преподавалась не столько как узкоспециальная дисциплина, сколько в универсальном духе «медицинского гуманизма», сочетавшего дескриптивный метод в анатомии с пристрастием к изучению классиков (Huisman, 1999: 249). В Лейдене можно было найти как противников, так и сторонников медицины Гарвея: так, Отто ван Херн, который преподавал медицину в Лейденском университете как раз тогда, когда там учился Питер Де ла Кур, по слухам, даже пошел на мошенничество (просверлил отверстия в сердечной перегородке), чтобы опровергнуть Гарвееву теорию кровообращения и защитить традиционный галенизм. При этом, однако, такие видные лейденские интеллектуалы, как Исаак Беекман, Николай Сильвий и Йохан Валлеус, приняли гарвеевскую модель медицины, причем последний в 1640 году резко изменил свои взгляды, из оппонентов Гарвея превратившись в первого официального его сторонника.

И все же вероятное влияние гарвеевской эмбриологии остается лишь гипотезой. Не имея возможности осуществить убедительную атрибуцию эмбриологического аргумента у Де ла Куров — фактически он представляет собой «коллаж» из общих мест медицинской и моралистической литературы XVII столетия, но со специфической «доминантой» — мы можем тем не менее реконструировать стоя-

щие за ним социокультурные значения, используя широкий спектр источников, от живописи до трактатов по риторике, и осуществляя тем самым идентификацию функции и значения нуждавшегося в расшифровке объекта.

Прежде всего обратимся к параллельным местам из других сочинений братьев. В VI книге «Политических рассуждений в шести отдельных книгах» биологический аргумент уточняется и специфицируется: в качестве основания невозможности естественной социальности приводится различие климатов и географических условий жизни наций, которое замедляет или ускоряет движение телесных членов и тем самым порождает в людях добродетели и пороки, укорененные в их телесном составе (*gestel des lighaams*). Именно по этой причине никакое воспитание неспособно до конца искоренить сформированный природой человеческий нрав, вследствие чего между нациями существует неустранимое различие в образе жизни, политическом устройстве и уровне нравственного развития: так, испанцам свойственна косность и медлительность, а французам, напротив, легкомыслие. Де ла Куры различают «медлительную» и «подвижную» телесную конституцию, определяемую преобладанием в теле более «тяжелой» или более «легкой» материи, замечая, что как та, так и другая нуждаются в «дисциплине» или «воспитании» (*tugt, tucht* или *opvoeding*): «Ведь хотя более медлительные души (*gemoederen*) по необходимости обладают Дисциплиной (*Tught*), дабы мочь быстрее начать движение, однако более быстрые и проворные души также необходимо наделены Дисциплиной (*Tucht*), чтобы как можно дольше себя в движении поддерживать». Многозначность нидерландского слова *tucht*, происходящего от глагола *tyen* (родств. нем. *ziehen*) — «тянуть», «тащить», — трудно передать на русском языке: с одной стороны, оно означает «принуждение», «приведение к порядку», «строгое воспитание» (отсюда *tuchtling* — «каторжник», *tuchtigen* — «наказывать»), а с другой — внутренний навык самодисциплины, «сопротивления энтропии», поддержания в теле импульса движения. Позднее Каролус Тейнман в своем «Светоче нижненемецкого языка» выскажет гипотезу, согласно которой от этого же корня происходят слова «сын» (*zoon*) и «дочь» (*dochter*) (Tuinman, 1722: 389–390): тем самым оказывается, что именно *tucht* ответственна за то, что в современной психологии и социальной теории называется «первичной социализацией». Излишне суровое воспитание в определенной степени вредит естественному развитию: Де ла Куры, подобно физикам-перипатетикам, различают движения «естественные» (*natuurlijke*) и «вынужденные или насильственные», злоупотребление которыми, особенно в юном возрасте, может исказить естество человека и привести к разного рода патологиям: именно поэтому «следует сначала позволить юноше вырасти, не изнуряя его слишком строгим воспитанием (*tucht*), чтобы не задушить в нем естественные движения»¹⁰. Естественный же процесс воспитания предполагает постепенную компенсацию полученных во чреве матери травм посредством «опыта, приобретаемого вследствие многократных впечатлений, оставляющих в мозгу свой отпеча-

10. «De jeugd, of de jongheid, eerst moet laten, opgroeien, sonder de selve door de tucht so naw te bekluiseren, dat de gehele beweging verdooft wert» (De la Court, 1662a: 641).

ток». Эти «отпечатки» (*indruxselen*), накапливающиеся благодаря опыту, являются как бы позитивным аналогом «следов» (также *indruxselen*), полученных от материнских «протиестественных желаний». Принципиально важно, что исцеление от пренатальных травм, как нам рассказывает медицинская притча в «эмблематическом» разделе «Рассуждений»¹¹, должно непременно осуществляться в форме автотерапии: как бы незначительны ни были медицинские познания частного человека в сравнении с компетенциями профессионального врача, он обладает тем важным преимуществом, что заботится о собственной пользе, в то время как врач радеет лишь о своей мошне.

Несмотря на то что параллельные места из «Политических рассуждений» позволили нам в общих чертах реконструировать натурфилософские воззрения братьев, они все же не дали ответа на главный вопрос: почему патологии зачатия превращаются в универсальный принцип, объясняющий невозможность естественной социальности и делающий неизбежным «рождение великого Левиафана» — возникновение государства. Коль скоро наша задача — описать тот резервуар общих мест (*koinai ennoiai* ученой культуры¹², визуальных топосов, универсалий социального опыта), из которого Де ла Куры могли составить свой аргумент (напомним, что латинское *argumentum* обозначает не только доказательство, но и «общее место»), то не будет недозволенным *deus ex machina* обратиться к социальному и биографическому контексту, к которому они принадлежали. Если биография умершего в 1660 году Йохана, младшего из братьев, мало что может нам дать, то в жизни Питера мы обнаруживаем по крайней мере один эпизод, поразительно созвучный пессимистической эмбриологии трактата «О политическом равновесии». Речь идет о трагически завершившемся браке сестры Питера, Йоханны, с учителем (и долгое время близким другом) братьев Де ла Кур, лейденским профессором философии и риторики Адрианом Хееребоордом (1614–1661). Виртуозный адепт чрезвычайно популярного в то время эклектического метода, сумевший объединить в органичном синтезе аристотелевскую «новодревнюю философию», новомодное картезианство и дидактически эффективный рамизм, Хееребоорд одним из первых испытал на себе риторические способности братьев. Причиной этого конфликта, приведшего один раз даже к рукоприкладству в стенах Лейденского университета, стало жестокое обращение Хееребоорда с женой, той самой Йоханной, приведшее к преждевременным родам и смерти ребенка (инцидент имел место в апреле 1648 года). Одновременно с этим по городу распространились анонимные памфлеты (заказчиком их считали Хееребоорда, хотя сам он это отрицал) — в одном из них под названием «Пьер Де ла Кур, или Ужасы разорения» (*Piere la Cour, gruwel der verwoesting*) Йоханна обвинялась, ни много ни

11. «Het eerste van een opperste Doctor in de Medicinen... het tweede Eiland zeide hy bewoond te zijn van veele Heeren Doctoren in de Medicinen... Maar dat het derde Eiland, ter contrarie geen Medicijn-meesters in hebbende, was bewoond van menschen, die met zeer geringe kennisse, haar eige Medicijn-meesters derfden te weezen» (De la Court, 1662a: 647–648).

12. Об этом понятии см. у Якоба Томазия, одного из наиболее проникательных и скрупулезных теоретиков ученой культуры в ранненовременной Республике ученых: Thomasius, 1679: 71.

мало, в инцестуальной связи с собственным отцом, причиной которой был ее необузданный «Валлонский темперамент» (Weststeijn, 2012: 88). После этих событий Питер забрал сестру в родительский дом и составил от ее имени памфлет «*Factum*, или Восстановление справедливости Йоханной Де ла Кур», в котором, вооружившись риторикой, которой учил его когда-то Хееребоорд, представил своего прежнего ментора и зятя пьяницей, дебоширом и софистом. Не входя в детали этой долгой и неприятной истории, отметим только, что брак Хееребоорда и Йоханны так никогда и не был восстановлен, и последним словом сестры Де ла Кура в этой семейной ссоре был решительный отказ, о котором нам сообщает с горечью сам Хееребоорд: «Она предпочла бы Смерть совместной жизни со мной и хотела бы лучше умереть, чем ко мне вернуться», — пишет тот в «Апологии». Таким образом, осмысление отношений между мужчиной и женщиной в терминах травматического опыта биографически было, по-видимому, близко братьям, особенно Питеру¹³.

Не менее важным резервуаром архетипов, которые могли оказать влияние на воображаемое Де ла Куров, можно считать современную им нидерландскую реалистическую живопись, прежде всего весьма популярный ее поджанр, процветавший в родном для Де ла Куров Лейдене, — «визит доктора к женщине, больной любовным недугом». Можно вспомнить, к примеру, серию иронических картин Яна Стена на этот сюжет, создававшийся в те же годы, что и «Трактат о политическом равновесии». Визуальные и нарративные репрезентации «gendered diseases» раннего Нового времени — женской меланхолии, бешенстве матки и «зеленой немочи», образующих своего рода генеалогию «дофрейдовского понятия истерии» и порой не менее загадочных для современной медицины, чем исследованный Людвигом Флеком «сифилис», по описанию симптомов очень напоминают исследуемые нами патологии зачатия, но по способу терапии (замужество или *titillatio* матки) находятся к ним в отношении инверсии (Dixon, 1995: 3). В популярной дидактической литературе насилие со стороны мужчины рассматривается как перманентная угроза для женщины, едва ли не нормальный горизонт ее существования; по слову Якоба Катса, изнасилование есть то, чего должна опасаться всякая девушка (*wat te vreesen staat voor alle jonge vrouwen*). Более того, история о насилии над женщиной стабильно осмысляется как инаугурационный акт возникновения политической общности, или *conditio sine qua non* ее выживания: почерпнутые из античной классики и Ветхого Завета истории о Лукреции, Елене Троянской, похищении сабинянок, захвате девушек из Шило вениаминитянами становятся конститутивными элементами политического «Атласа Мнемозины» в Нидерландах золотого века. По едкому замечанию Аманды Пипкин, «Нидерландская республика нуждалась в историях об изнасиловании, чтобы создать нацию там, где для этого не было никаких предпосылок» (*Dutch republic required stories of rape to create a nation where none previously existed*) (Pipkin, 2008: 23). Концепт женской *virtus*, вос-

13. На полях можно отметить и еще одно событие — в 1658 г., за два года до выхода в свет первого издания трактата, умерла родами Элизабет Толенаар, первая жена Питера и родственница Яна де Витта.

ходящий к знаменитой легенде из Тита Ливия, сделался одной из основ республиканской мифологии Нидерландов (как это прежде случилось с «флорентийской свободой») — помимо двух «Лукреций» Рембрандта, можно вспомнить программные произведения величайших драматургов золотого века, Питера Корнелисзона Хофта — «Герард ван Вензел» (1613 г.) и Йоста ван Вондела — «Гейсбрехт Амстердамский» (1637 г.), в которых защита женской чести становится сюжетообразующей метафорой борьбы за политическую свободу. Эта литература была хорошо известна Де ла Курам: сам образ политического равновесия (буквально «весов», *weegschaal*), украшающий фронтиспис их одноименного трактата, был заимствован из знаменитого памфлета Йоста ван Вондела, выпущенного по случаю конфликта гомаристов и арминиян в эпоху Дортского синода 1618—1619 годов. Что же касается истории Гейсбрехта ван Амстела, то ей Питер Де ла Кур посвятил один из разделов своей «Истории графского правления в Голландии» (*Historie van Gravelike Regering in Holland*, 1662), никак, впрочем, специально не маркируя значение этого события для политического самосознания Нидерландов. Однако «мифологема Лукреции», т. е. возможность героической смерти, представляет собой в действительности одну из сложнейших апорий для имманентистских гражданских наук XVII столетия. Апорию эту можно описать следующим образом: если базовым и неотменимым аффектом (а в интерпретации Де ла Куров даже «правом») каждого человека является стремление к самосохранению, то что может заставить человека в гражданском состоянии принять смерть по воле суверена, который именно ради обеспечения права на самосохранение и был авторизован (например, в случае гибели на войне или смертной казни). Логически дедукция добровольной смерти из стремления к самосохранению и в самом деле представляется почти невозможной задачей, что не мешало, однако, целому ряду авторов от Томаса Гоббса до Джамбаттисты Вико пытаться ее осуществить. «Праву на наказание» подданного сувереном у Гоббса посвящено множество исследований, и в большинстве из них констатируется, что это имплицитное противоречие в его политической философии не получило удовлетворительного разрешения¹⁴. У Джамбаттисты Вико в его первой «Новой науке» героическая смерть реабилитируется в совершенно классических терминах, но наполненных радикально новым содержанием: жертвование жизнью ради свободы вовсе не имело целью, по Вико, стяжание бессмертной славы (*immortal fama*), как хотели бы думать философы эпохи «явленного разума» (*uomini di menti spiegate*); скорее оно представляет собой почти неосознанный рефлекс «неограниченной свободы», царившей в естественном состоянии или «состоянии семей». У Вико элементы этико-риторической парадигмы (такие лексемы-маркеры, как *virtù eroica*, *libertà*) сочетаются с понятийным аппаратом оригинальной герменевтики мифов, образуя порой формулировки, которые для его образованных читателей должны были казаться оксюморонами: например, «дикарский обычай жить и умирать свободными» (*il feroce costume di vivere e morir*

14. Наиболее исчерпывающим и интригующим из всех посвященных этой теме исследований нам кажется вот это: Schrok, 1991: 853–890.

liberi). Именно эта привычка к дикой свободе (которая у Вико описывается в весьма неприглядных выражениях) и побудила «в мирное время Курций броситься в роковую пропасть»¹⁵, а в военное — Дециев одного за другим принести себя в жертву ради спасения войска, дабы показать плебеям, что они достойны распоряжаться ауспигиями» (Vico, 2014: 64). Между *virtù eroica* у Вико и ливийской *virtus*, несмотря на внешнее сходство, пролегает пропасть, разделяющая этико-риторическую парадигму и имманентистскую постмакиавеллиевскую политическую философию Де ла Куры называют стремление к самосохранению любыми средствами, в том числе и за счет других людей, неотъемлемым правом человека в естественном состоянии; при этом, однако, весь фронтиспис другого, чуть менее известного сочинения старшего из братьев — «История графского правления в Голландии» — покрыт девизами, провозглашающими примат свободы над самосохранением: *tenere libertatem aut mori ante servitutem* [сохранить свободу или умереть прежде порабощения], *libertas vita charior* [свобода дороже жизни]; сверху лев Иуды когтями и зубами защищается от тех, кто пытается накинуть на его шею аркан, внизу осел Иссахара безропотно принимает удары от своего погонщика¹⁶. Откуда же возникает героический республиканский этос, как он сочетается с естественным императивом самосохранения? И в какой мере иконографическая программа трактата соответствует его содержанию? В самом деле: в предисловии к читателю говорится, напротив, о необходимости повиновения гражданским властям как основе гражданского мира и *salus populi*¹⁷. В другом месте суицидальная логика республиканской *virtus* опровергается прямо: «Страх всеобщего истребления приводит к возникновению *политического порядка* (*politie*) и *дисциплины* (*tugt*), как бы порождая их из самого себя. Так сбывается старое изречение *Qui mori scit, Cogi nescit*: кто не боится умирать, того и принудить ни к чему невозможно, и управлять им невозможно тоже». При этом, однако, одной из важнейших

15. Марк Курций, молодой римлянин из знатного патрицианского рода, принесший себя в жертву подземным богам: по легенде, однажды на форуме образовалась огромная яма, и оракул объяснил, что боги желают получить от римлян в жертву лучшее, что у них есть, — узнав об этом, Курций по собственной воле бросился в «роковой ров» (*Liv. Ab urb. VII, 6*). Отец, сын и внук из рода Дециев, которые носили все трое имя Публий Деций Мус, трижды (при Везувии, Сантинуме и Аускууме) спасали от разгрома римское войско ценой собственной жизни. Вико допускает здесь историческую ошибку: Деции — плебейский род.

16. Иссахар, девятый сын Иакова, родоначальник одноименного колена Израилева, который славился своей крепостью и долготерпением, в Ветхом Завете традиционно сравнивался с ослом: «Иссахар осел крепкий, лежащий между протоками вод» (Быт. 49:14), а Иуда, четвертый сын патриарха, — со львом: «Молодой лев Иуда, с добычи, сын мой, поднимается. Преклонился он, лег, как лев и как львица: кто поднимет его?» (Быт. 49:9). В действительности образ Иссахара не столь однозначен, как пытается его представить автор эмблемы, опирающийся, видимо, на следующий фрагмент Писания: «И увидел он, что покой хорош, и что земля приятна; и преклонил плечи свои для ношения бремени и стал работать в уплату дани» (Быт. 49:15). Так, в 1-й Книге Паралипоменон люди колена Иссахарова характеризуются как «люди воинственные» и крепкие в битве (1 Пар. 7:1–5).

17. «Want gelyk de Wetten der Nature den Regeerders verplichten, hun Onderdaanen alle welvaaren te versorgen en geweld af te keeren; soo verplichten ook, de naturelike en civile Wetten alle Onderdanen tot gehoorszaamheid; dewyl sonder de selve 's Lands welvaaren (*salus Populi*) niet kan bestaan, maar voor alle uit- en inheemse grouwelen wijken moet» (*De la Court, 1654: s.p.*).

политических добродетелей Де ла Кур называет свободу высказывания, *паррессию*, и открыто аттестует себя не как придворного льстеца, иноземца, которому безразличны судьбы страны (это больное место для Де ла Кура как эмигранта), а как «истинного голландца, привыкшего называть вещи своими именами» (букв. «лодку — лодкой» или, в другом месте, «грабли — граблями»). Таким образом, героический этос в общем и целом редуцируется до «свободы слова»; в целом же повиновение (*gehoorzamheid*) рассматривается как одна из основополагающих политических добродетелей еще и потому, что демократический гражданский порядок — исторически самый первый и естественный — возникает по всеобщему справедливому соглашению без какого-либо насилия. Так как никто не обладает достаточной властью, чтобы подчинить себе остальных (ср. *equality of hope* у Гоббса), то заключается договор (*verdrag*), результатом которого становится естественное господство большинства¹⁸. Именно поэтому Де ла Куры могут утверждать, что «Народное Правление не основано ни на каком насилии, но является естественным, разумным и справедливым» (*De la Court*, 1662: 530). Из равенства так же естественно рождаются скромность, стыд и нравственность, ибо каждый видит границы своих возможностей и осознает необходимость согласовывать их с интересами других.

Однако не основывается ли эта идиллическая естественность на вытеснении изначального насилия, впрочем, также рассматриваемого как «естественное», а именно исконной власти над женщиной? В самом деле: с одной стороны, для того чтобы человеческий род вообще мог продолжать существование, необходимо участие женщины, но это участие — не добровольное, ибо женщина в силу своего естества подчинена власти мужчины: «Подчиненное положение возникает вследствие недостатка силы или знаний. Недостаток силы очевиден у женщин, ибо такие страсти, как страх, ужас и печаль, проявляются у них сильнее, а способность суждения слабее»¹⁹. Нельзя не увидеть сходства между перечнем страстей в этом фрагменте и в «эмбриологической гипотезе». Именно недостаток силы служит основанием для исключения женщин из политической жизни, их естественной неполноправности и подчиненности мужчинам как «господам и владыкам»²⁰.

Характерно, что, несмотря на патологический характер всякого зачатия, Де ла Куры никоим образом не занимают по отношению к этому акту негативной «гностической» позиции: напротив, как известно, авторы «Рассуждений» усматривали необходимую связь между численностью населения государства и его полити-

18. «En vermits niemand met haar, als op billike en gelijke conditien soude willen verdragen, soo volgdt hier uit, *dat zy volgens deese billikheid, noodzakelik het regt, ende magt van gebieden, aan de meeste stemmen moeten ooverdragen*» (*De la Court*, 1662: 123–124).

19. «Alle onderdaanigheid ontstaat door gebrek van magt, en kennisse. Welk gebrek van magt zig allesins openbaart in de Vrouwluiden, om dat de passien van vrees, schrik en droefheit, grooter in haar, en het oordeel minder, als in de mannen schijnt te wesen... Zulks de Opperhoofdigheit der Mannen, boven de Vrouwen, en Kinderen hier uit klaarlik schijnt te volgen» (*De la Court*, 1662: 520).

20. «Weegens gebrek van *magt*, moesten werden buiten geslooten, alle *Onmondigen, Vrouwluiden, en Dieners*, als aan haare Ouders, Eegade, en Meesters ofte Heeren gehoorsaamheid schuldigh zijnde. En dienvolgende niet vryelik *moogende stemmen*» (*De la Court*, 1662: 662).

ческой устойчивостью. В этом отношении Де ла Куры выступают наследниками Ботеро с его идеей «величия города» (*grandezza della città*). Для изобретателя «государственного интереса» величие города складывалось из трех элементов: выгодного географического положения, славы государева двора и численности населения вкупе с количеством их имущества. Де ла Курам как патриотам Лейдена пришлось сократить этот список, так как ни блестящим двором, ни выгодными природными условиями Лейден похвастаться не мог, — и сделать ставку на численность населения, которому должны были способствовать слава городского университета и процветание торговли (прежде всего — международной торговли текстильной продукцией) (Hartman, Weststeijn, 2013: 17). Они неоднократно указывают на то, что залог могущества любого государства — численность его жителей, и предлагает даже в случае демографических проблем ввозить новых граждан из других стран. Итак, неслучайно девиз «плодитесь и размножайтесь» так часто встречается в текстах Де ла Куров; прививка дурными страстями и политическим бессилием, получаемая каждым человеком во время зачатия вследствие слабой и подверженной аффектам природы женщины, никак не отменяет необходимости умножать число рождаемого ими дефектного потомства.

На языке политических архетипов нидерландского золотого века политико-биологическая конструкция Де ла Куров находится в оппозиции к инициатическому «мифу о Лукреции» и сближается с мифом о «похищении сабинянок». Подобно ливийской мифологии *civitas romana*, демократическая республика Де ла Куров имеет двойную генеалогию: одна объясняет саму биологическую возможность ее существования, другая конституирует ее политическое самосознание, центр которого образует гражданская *virtus* («истинная Батавская свобода»). В одном случае из героического самоубийства рождается республиканское политическое самосознание (*status politicus*), в другом — из принятия женщиной насилия над собой рождается патологическое потомство, образующее человечество в естественном состоянии (*status naturalis*), — Лукреция и анонимные «сабинские женщины» с равным правом могут быть названы «матерями отечества».

Литература

- Афонасин Е. В. (2013). Порфирий об одушевлении эмбриона // СХОЛН. Vol. 7. № 1. URL: www.nsu.ru/classics/schole (дата доступа: 24.09.2016).
- Beverwijck J. van. (1643). Van de wtneementheyt des vrouwelicken geschlachts. Dordrecht: Hendrick van Esch.
- Beverwijck J. van. (1660). Schat der gesontheyt // Id. Alle de wercken. Amsterdam: Ian Jacobsz Schipper.
- Burton R. (1989). The Anatomy of Melancholy, Vol. 1: Text / Ed. by Th. C. Faulkner, N. K. Kiessling, Rh. L. Blair. Oxford: Clarendon Press.
- Cumberland R. (1672). De legibus naturae disquisitio philosophica, in qua earum forma, summa capita, ordo, promulgatio, et obligatio e rerum natura investigantur. Quineti-

- am Elementa Philosophiae Hobbiana cum moralis tum civilis considerantur et refutantur. Londini: Typlis E. Flesher.
- De la Court P.* (1654). *Historie der gravelike regering in Holland*. Amsterdam.
- De la Court J. en P.* (1662a). *Consideratien van Staat, ofte Polytyke Weegschal*. Ysselmonde: Querinus Overal.
- De la Court J. en P.* (1662b). *Politike discoursen handelende in ses onderscheide boeken van Staden, Landen, Oorlogen, Kerken, Regeringen en Zeeden*. Amsterdam: Pieter Hackius.
- Dixon L. S.* (1995). *Perilous Chastity: Women and Illness in Pre-Enlightenment Art and Medicine*. Ithaca: Cornell University Press.
- Goltz D.* (1986). *Der leere Uterus: Zum Einfluß von Harveys De generatione animalium auf die Lehren von der Konzeption // Medizinhistorisches Journal*. Bd. 21. H. 3–4. S. 242–268.
- Hartman J., Weststeijn A.* (2013). *An Empire of Trade: Commercial Reason of State in Seventeenth-Century Holland // Reinert S. A., Roge P.* (eds.). *The Political Economy of Empire in the Early Modern World*. New York: Palgrave. P. 11–31.
- Heurnius I.* (1607). *De gravissimis morbis mulierum liber. De humana felicitate liber. De morbis novis et mirandis epistola*. Utrecht: Raphelengif.
- Hobbes Th.* (1996). *Leviathan* / Ed. by R. Tuck. Cambridge: Cambridge University Press.
- Huisman F.* (1999). *Medicine and Health Care in the Netherlands, 1500–1800 // Berkel K. van, Helden A. van, Palm L.* (eds.). *The History of Science in the Netherlands: Survey, Themes and Reference*. Leiden: Brill. P. 239–278.
- Kossmann E. H.* (1960). *Politieke theorie in het zeventiende-eeuwse Nederland*. Amsterdam: Koninklijke Nederlandse Akademie van Wetenschappen.
- Pipkin A. C.* (2008). *Every Woman's Fear: Stories of Rape and Dutch Identity in the Golden Age*. New Brunswick: Rutgers University Press.
- Schrok Th. S.* (1991). *The Rights to Punish and Resist Punishment in Hobbes's Leviathan // Western Political Quarterly*. Vol. 44. № 4. P. 853–890.
- Struever N. S.* (2009). *Rhetoric, Modality, Modernity*. Chicago: Chicago University Press.
- Thomasius J.* (praes.), *Reinellius J. M.* (resp.). (1679). *Dissertatio philosophica de plagio literario*. Lipsiae: Ch.-E. Buchta.
- Tuinman C.* (1722). *Fakkelt der Nederduitsche Taale, ontsteken byzonderlyk aan de Hebreuwsche, Grieksche, en Latynsche spraaken, als ook de oude Duitsche, uit de overblyfzels der gryze aaloudheid, en die van laater eeuwen*. Leyden: Samuel Luchtmans.
- Vico G.* (2014). *Principi di una Scienza Nuova intorno alla natura delle nazioni per la quale si ritrovano i principi di altro sistema del diritto naturale delle genti*. Napoli: Diogene.
- Weststeijn A.* (2012). *Commercial Republicanism in the Dutch Golden Age: The Political Thought of Johan and Pieter De la Court*. Leiden: Brill.

“Missing Link”: The Embryological Interpretation of the State of Nature by Pieter De la Court and Johan De la Court

Pavel V. Sokolov

Senior Researcher, Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities, National Research University Higher School of Economics

Assistant Professor, School of Philosophy, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics

Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: alharizi@rambler.ru

This study examines the status and the functions of the medical (“embryological”) argument in Pieter and Johan De la Court’s treatise *Considerations of State, or Political Balance*. In the beginning of the second book of the treatise, the co-authors decide not to confine themselves to the Hobbesian explanation of the causes of the state of nature, setting forth their own interpretation of this phenomenon, which is the certain “impressions” or “marks” (*indruksele*) the foetus receives at the moment of conception and during the mother’s pregnancy. The article primarily focuses on this striking inversion of the commonplace regarding prenatal conditions, and on the particular way of merging the political arguments with medical arguments while approaching *aporia*, the famous state of nature. The authors proceed by sorting out the contexts of Cartesian and Harvean embryological writings (A. Deusing), popular medical texts describing the pathologies of conception and pregnancy (J. Cats and J. van Beverwijk), and treatises on “political natural philosophy” (R. Cumberland) which illuminates the reasons of using this “anomalous” argument as an explanation of the inevitability of the state of nature. The research emphasizes the ambivalence of the De la Courts’ political republicanism. Though preserving some significant elements of the ethical-rhetorical paradigm (*parrhesia*, the idea of the “Batavian liberty”), this political philosophy does not manage to coherently represent the relationships between the biological and the civil orders, or between heroic ethos and “beneficial violence”.

Keywords: Pieter De la Court, Johan De la Court, political republicanism, state of nature, embryology, Thomas Hobbes, William Harvey

References

- Afonasin E. (2013) Porfirij ob odushevlenii embriona [Porphyry On the Animation of the Embryo]. ΣΧΟΛΗ, vol. 7, no 1. Available at: www.nsu.ru/classics/schole (accessed 24 September 2016).
- Beverwijck J. van (1643) *Van de wtneementheyde des vrouwelicken geslachts*, Dordrecht: Hendrick van Esch.
- Beverwijck J. van (1660) *Schat der gesontheit. Alle de wercken*, Amsterdam: Ian Jacobsz Schipper.
- Burton R. (1989) *The Anatomy of Melancholy, Vol. 1: Text* (eds. Th. C. Faulkner, N. K. Kiessling, Rh. L. Blair), Oxford: Clarendon Press.
- Cumberland R. (1672) *De legibus naturae disquisitio philosophica, in qua earum forma, summa capita, ordo, promulgatio, et obligatio e rerum natura investigantur. Quinetiam Elementa Philosophiae Hobbiana cum moralis tum civilis considerantur et refutantur*, Londini: Typlis E. Flesher.
- De la Court P. (1654) *Historie der gravelike regering in Holland*, Amsterdam.
- De la Court J. en P. (1662) *Consideratien van Staat, ofte Polytyke Weegschal*, Ysselmonde: Querinus Overal.
- De la Court J. en P. (1662) *Politike discoursen handelende in ses onderscheide boeken van Staden, Landen, Oorlogen, Kerken, Regeringen en Zeeden*, Amsterdam: Pieter Hackius.
- Dixon L. S. (1995) *Perilous Chastity: Women and Illness in Pre-Enlightenment Art and Medicine*, Ithaca: Cornell University Press.
- Goltz D. (1986) Der leere Uterus: Zum Einfluß von Harveys De generatione animalium auf die Lehren von der Konzeption. *Medizinhistorisches Journal*, vol. 21, no 3–4, pp. 242–268.

- Hartman J., Weststeijn A. (2013) An Empire of Trade: Commercial Reason of State in Seventeenth-Century Holland. *The Political Economy of Empire in the Early Modern World* (eds. S. A. Reinert, P. Roge), New York: Palgrave, pp. 11–31.
- Heurnius I. (1607) *De gravissimis morbis mulierum liber. De humana felicitate liber. De morbis novis et mirandis epistola*, Utrecht: Raphelengif.
- Hobbes Th. (1996) *Leviathan* (ed. R. Tuck), Cambridge: Cambridge University Press.
- Huisman F. (1999) Medicine and Health Care in the Netherlands, 1500–1800. *The History of Science in the Netherlands: Survey, Themes and Reference* (eds. K. van Berkel, A. van Helden, L. Palm), Leiden: Brill, pp. 239–278.
- Kossmann E. H. (1960) *Politieke theorie in het zeventiende-eeuwse Nederland*, Amsterdam: Koninklijke Nederlandse Akademie van Wetenschappen.
- Pipkin A. C. (2008) *Every Woman's Fear: Stories of Rape and Dutch Identity in the Golden Age*, New Brunswick: Rutgers University Press.
- Schrok Th. S. (1991) The Rights to Punish and Resist Punishment in Hobbes's Leviathan. *Western Political Quarterly*, vol. 44, no 4, pp. 853–890.
- Struever N. S. (2009) *Rhetoric, Modality, Modernity*, Chicago: Chicago University Press.
- Thomasius J. (praes.), Reinelius J. M. (resp.) (1679) *Dissertatio philosophica de plagio literario*, Lipsiae: Ch.-E. Buchta.
- Tuinman C. (1722) *Fakkelt der Nederduitsche Taale, ontsteken byzonderlyk aan de Hebreuwsche, Grieksche, en Latynsche spraaken, als ook de oude Duitsche, uit de overblyfzels der gryze aaloudheid, en die van laater eeuwen*, Leyden: Samuel Luchtmans.
- Vico G. (2014) *Principi di una Scienza Nuova intorno alla natura delle nazioni per la quale si ritrovano i principi di altro sistema del diritto naturale delle genti*, Napoli: Diogene.
- Weststeijn A. (2012) *Commercial Republicanism in the Dutch Golden Age: The Political Thought of Johan and Pieter De la Court*, Leiden: Brill.